

Открыто видимые тела От анатомического спектакля к «психологическим курьезам»¹

Нейтральных и безопасных
наименований не существует.

Жорж Кангилем

1. Иметь тело

«Весьма забавно и заключает в себе принципиальную некогерентность, — замечает Лакан в „Семинаре“ января 1955 г., — когда человек говорит, что он *обладает* телом». «Врач тогда распоряжается телом в точности, как любой господин, разбирающий машину... Фрейд об этом говорил, и идеалом его было занятие чем-то вроде патологоанатомии: чтобы открыть анатомическую физиологию, поняв, как работает этот сложный аппарат, воплощенный в нервной системе»². Декарту моделью машины служили часы; а Фрейд, как мы видим, говорит уже о машине как энергетическом двигателе. Ирония Лакана состоит в том, что машинные метафоры говорят не столько о нашем организме, сколько о нас как о субъектах: существах, которые живут в языке, которые символически структурированы и вообще представляют собой небольшие по размерам, но очень сложные аппараты, «воплощенные в нервной системе». Слова Лакана можно свести к одному утверждению: кем бы мы ни были, мы функционируем как машины. Машинная метафора, конечно, пытается подойти как можно ближе к пониманию тела; но все равно, для Лакана она репрезентирует только то, что «мы», существа, обладающие речью, «действительно существуем»³: такая машина суще-

¹ Перевод выполнен по изданию: Physiologie und industrielle Gesellschaft: Studien zur Verwissenschaftlichung des Körpers im 19. und 20. Jahrhundert / hrsg. von P. Sarasin, J. Tanner. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1998. Canguilhem G. Die Herausbildung des Konzeptes der biologischen Regulation im 18. und 19. Jahrhundert // Wissenschaftsgeschichte und Epistemologie. Gesammelte Aufsätze / hg. von W. Lepenies. Frankfurt am Main, 1979. S. 95.

² Lacan J. Freud, Hegel und die Maschine (12 Januar 1955) // Das Seminar. Buch II / hg. von J.-A. Miller. Weinheim; Berlin, 1991 (ориг. изд.: Paris, 1978). S. 97 f. (курсив оригинала).

³ Там же. S. 99.

ствуется как конституированная речью конструкция — как продукт дискурсивной и символической активности; и она, будучи нашим определением, выступает вовсе не как модель нашего тела, но как верный список нашего духа — и современные исследования деятельности центральной нервной системы показывают, что машина Тьюринга (идея 1940-х—1950-х гг.) именно здесь нашла свое применение⁴. Фрейд, как мы все знаем, начинал с нейропсихологии и, как и все его современники, исходил из идеи «одушевленной машины», каковой должны были оказаться все мы. Когда в «Истолковании сновидений» (1900) он открыл, что человек со всем своим психическим аппаратом, функционирует «как машины», хотя и на строго символическом, а вовсе не физиологическом основании, «это был такой переворот, что он даже сам поначалу не понял, что произошло» (Лакан)⁵.

Остановимся на этой истории. Когда Фрейд в своих исследованиях перешел от физиологии к психоанализу, и от одушевленной машины к «сновидческой машине»⁶, он вовсе не избавился от вопроса, что означают слова «человек обладает телом». Что испытывает человек в себе, когда спрашивает, что есть его тело? Что означает это возможное тело труда, тело боли, тело удовольствия и тело смерти для его притязания (*Vorstellung*) стать индивидом: самосознание, единство или, может быть, мечту о бессмертии?⁷ Вопрос, что есть тело, чем *действительно* является «живое тело», не представляется разрешимым⁸; поэтому важно только то, какой *образ* (литературный, визуальный или инсценировочный) мы *придумываем* для нашего тела, чтобы мы могли сказать, что это — наше тело. Как только Декарт попытался представить, что есть то тело, которым каждый из нас обладает, метафора машины стала центральной. «Давно замечено, — говорит Лакан, — хотя и без особого понимания, что тело — машина, и мы никак не можем исключить, что это не так. Но проблема не в этом. Все дело в том, почему человек именно в таком плане решил поставить вопрос»⁹. С начала Нового времени люди исследуют, каким образом устроено тело, как сопрягаются друг с другом его составные части, и как оно функционирует — эта сложная «машина», каковой в превращенном (запутанном) и чуждом нам смысле являемся мы сами.

⁴ «Машина воплощает радикализованную символическую активность людей» (там же).

⁵ Там же. S. 102.

⁶ Там же. S. 101.

⁷ Проблема эта поставлена уже давно, ср: Bynum C. Why All the Fuss about the Body. A Medievalists Perspective // Critical Inquiry. 1995. Autumn. № 22. P. 1–33 (немецкий перевод: Historische Anthropologie. 1996. № 4. H. 1. S. 1–33).

⁸ Ср. об этом до сих пор нерешенном конфликте между виталистами и механицистами — статью Христианы Зиндунг в этом же сборнике: Sinding Ch. Vitalismus oder Mechanismus? Die Auseinandersetzungen um die forschungsleitenden Paradigmata in der Physiologie // Physiologie und industrielle Gesellschaft... S. 76 ff.

⁹ Lacan J. Freud... S. 98.

Воля к знанию о теле позволила христианской культуре проделать путь от первых вскрытий трупов в северной Италии в XIV в. к «анатомической физиологии» начала XX в. (а после, разумеется, и к современной генетике). Мой тезис состоит в том, что именно смысл вопроса, с которого мы и начали статью, и определил столь значимую на всех этапах этого пути «инсценировку тел в их открытости». Эти инсценировки всегда были направлены во всех своих функциях на одну проблему: *что мы есть*, а лучше сказать, чем мы *можем* быть в своем теле. Иначе говоря, всякий раз возникал «открытый образ» тела как *модели* и как *выражения* человека, тело превращалось в лучший пример всех человеческих функций и в пособие по задаванию вопросов самому себе. Бруно Латур и другие исследователи, доводы которых я отчасти воспроизвожу, утверждают, что в процессе такого производства образов наука превращается в фактор, встроенный среди других факторов; становится элементом, который действует как и другие через свои дискурсивные особенности, принимая участие в общем культурном процессе — и таким образом научный текст усиленно взаимодействует с культурным контекстом¹⁰. Но меня интересует не столько сама логика научного текста и подходящие к нему автономные стратегии «научного сообщества»¹¹, а применение всего этого. Науки о человеке и в том числе о человеческом теле находятся в поле культурно закодированных представлений, которые влияют и на научный дискурс: так что уже и сама наука принимает участие в таком кодировании¹². Человеческое тело становится уже не «природным объектом», но благодаря вопросу о его границах чем-то «подлежащим описанию». Конечно, можно помыслить науку, которая будет настолько чистой, что не станет заниматься вопросами о субъекте и о теле (скорее всего, она будет подобна математике); но анатомия и физиология — это не науки только о природе, но напрямую — науки о человеке. Даже когда они погружаются в отрешенность «анализа тканей» или же пытаются, скажем, вскрыть функции организма на примере изолированного «аппарата» подопытного животного в лабораторных условиях, они все равно невольно имеют дело с чело-

¹⁰ Latour B. Pasteur und Pouchet: Die Heterogenese der Wissenschaftsgeschichte // Serres M. (Hg.). Elemente einer Geschichte der Wissenschaften / übersetzt von H. Brühmann. Frankfurt am M., 1994 (ориг. изд.: Paris, 1989). S. 749–790; также его же Joliot: Geschichte und Physik im Gemenge // Serres M. (Hg.). Elemente einer... S. 869–904; Keller E. F. Der Organismus: Verschwinden, Wiederentdeckung und Transformation einer biologischen Kategorie // Scheich E. (Hg.). Vermittelte Weiblichkeit. Feministische Wissenschafts- und Gesellschaftstheorie. Hamburg, 1996. S. 313–334.

¹¹ Haraway D. Anspruchsloser Zeuge Zweites Jahrtausend. Frau Mann trifft OncoMouse // Scheich E. (Hg.). Vermittelte Weiblichkeit... S. 361.

¹² См. об этом старые пионерские исследования по социологии науки: Fleck L. Entstehung und Entwicklung einer wissenschaftlichen Tatsache. Einführung in die Lehre vom Denkstil and Denkkollektiv. Frankfurt am Main, 1980. 2. Aufl. 1993 (Первое издание: Basel, 1935); также: Zilsel E. Die sozialen Ursprünge der neuzeitlichen Wissenschaft / hrsg. von W. Krohn. Frankfurt am Main, 1976.

веком. Ведь исследуемый объект *в общем и целом* имеет то же самое тело, что и исследователь, даже если последний в этот момент всего лишь испытывает работу мускул лягушки на миографе. Учебник Карла Людвига (1852 и 1856), посвященный почти полностью экспериментам над подопытными животными, без каких-либо дальнейших пояснений назван «Физиология человека»¹³. Когда физиологи в порядке исключения начинают говорить не о собаках и лягушках, но о живом человеческом теле, нужно сразу остановиться и оговорить, какое именно тело они имеют при этом в виду: ибо они говорят не о функциях тела, а о культурном коде, который менее абстрактен, чем экспериментальные, животно-измерительные установки в их лабораториях.

В настоящей статье я попытаюсь показать, что уже при старом режиме, не говоря уже о более близком к нам времени, существовали некоторые специфические приемы «делать тело видимым»: в них скрестились и слились ведущие медицинские представления и имагинарий тогдашних зрителей, доминирующие исследовательские интересы и ходовые метафоры власти. *Открыто видимое тело* — это место-фантазм, на котором видно больше, чем предполагает эмпирический осмотр анатома или физиолога. Иначе говоря, это образ, который ставит перед зрителями в качестве образцов (*Exemplum*) инсценированные тела их самих. И такое возведение тела в образец — не просто один из моментов инсценировки, но, бесспорно, важнейший ее момент. Я, пожалуй, не возьмусь за то, чтобы перебрать все конфигурации открыто видимых тел во всех аспектах — скорее я просто последую по той нити, которая и ведет к «некогерентности удовольствий» по Лакану.

Сначала я обращусь к двум эпизодам из истории науки, которые находятся на самой границе научной нормы, а затем с их помощью попытаюсь обсудить вопрос о культурном контексте открыто инсценированных и специфическим образом видимых тел. После этого я познакомлю читателей с Эмилем дю Буа-Реймоном, одной из ведущих фигур в физиологии XIX в., который не ограничивался пробами мускулов лягушки, но ставил вопрос об общем отношении тела и субъекта — в конце концов это выведет нас прямо к процитированному замечанию Лакана.

2. Тарен и Маре

Пьеру Тарену было всего 26 лет, когда он в 1751 г. опубликовал статью по анатомии в «Энциклопедии искусств и ремесел» Дидро и д'Аламбера¹⁴. По его молодости ему было простиительно обозвать традиционную анатомию «прекрасным созерцанием ради самого себя», которое хочет остаться «стерильным», принимая в рассмотрение только «готовые

¹³ Ludwig C. Lehrbuch der Physiologie des Menschen. 2 Bde. Leipzig; Heidelberg, 1852; 1856.

¹⁴ Anatomie // Encyclopédie/hrsg. von Diderot und d'Alembert. Bd. 1. Paris, MDCCLI. P. 409–416.

части тела». Современная анатомия, за которую ратует Тарен, должна пойти дальше и изучать движение органов и их работу, как «переменных частей», чтобы понять «поведение и функционирование всей машины». Врачи, которых Тарен называет «эмпириками», довольствуются вскрытием трупов; тогда как даже самое тщательное анатомическое исследование не может ни объяснить взаимодействие органов, ни расшифровать тайну жизни. И эмпирики допускают «грубую ошибку, что сравнивают животную машину с другими машинами»¹⁵.

Тарен ставит вопрос, каким образом можно понять на мертвом теле функционирование живого тела, но эмпириком он от этого не становится. За образцы себе он берет древнегреческих анатомов Герофила и Эрасистрата, которые не просто первыми стали расчленять мертвые тела, но и впервые предприняли попытку проводить вивисекцию на живых преступниках, приговоренных к казни¹⁶. Именно такое «отношение к делу» изумило анатомов того времени: смерть преступника на столе анатомического театра была для общества не менее полезной, чем смерть его же на эшафоте, раз уж смертная казнь в обоих случаях осуществлялась с нужной степенью эффекта. Кроме того, вивисекция имела явное преимущество: анатом и его зрители приобретали нужные знания, а преступник получал возможность, пережив такую пытку, остаться в живых, тогда как в противном случае его ждала верная смерть. Если раньше казнь совершалась верной рукой палача, то теперь «казнимый подвергался болезненной операции — ему вводили жидкости в кровь, на нем проводили опыт по переливанию крови... ампутировали бедро, чтобы рассмотреть устройство шарниров, вырезали селезенку или часть мозга, делали перемычку между артериями груди и желудка, разом удаляли два или три ребра или вырезали часть кишечника, потом сшивая укороченный кишечник, производили разрез пищевода, вынимали семенники, обнажали сухожилия или делали какую-то еще операцию на внутренностях»¹⁷.

В чем состояла цель такого предприятия? Тарен пишет, что ученое рассмотрение внутренностей мертвого тела — это всего лишь «памятник настоячивости человеческого духа», которая при этом не принесла никаких практических плодов. В противоположность этому познание механизма работы живого тела «принесет пользу всякому человеку». Ведь тела — это «важнейшая часть нас самих», и потому «познание самих себя подразумевает и познание собственного тела». Такое «основание естественной теологии» на практике привело к тому, что само это знание превратилось в «средство быть всегда здоровым, продлить годы своей жизни, без труда выявлять локализацию и симптомы болезней,

¹⁵ Там же.

¹⁶ См.: *Artelt W. Die ältesten Nachrichten über die Sektion menschlicher Leichen im mittelalterlichen Abendlande* (= Abhandlungen zur Geschichte der Medizin und der Naturwissenschaften. Heft 34). Berlin, 1940. S. 4.

¹⁷ *Anatomie // Encyclopédie / hrsg. von Diderot... S. 410.*

когда ты плохо себя чувствуешь, распознавать шарлатана, и хотя бы в самых общих случаях употреблять возвращающие здоровье средства в правильном порядке»¹⁸. Мы видим здесь целую программу: всякий человек (*tout homme*), познавший функционирование своего тела на примере вивисекции преступников, может быть теперь увиден; и такой человек сразу же освобождает себя из-под власти неведения и суеверных действий шарлатанов, притязающих на его тело.

Приведенный ужасный текст, который не хочет отличать пытки и смертную казнь от практики медицинских исследований, вовсе не одинок. В «Универсальном лексиконе» Цедлера (1732) задается вопрос, можно ли производить вивисекцию над преступниками — и ответ дается положительный: «Несомненно, это позволит сделать очень важные и нужные открытия»¹⁹. Профессор судебной медицины из Страсбурга Франсуа Э. Фодере проводил вивисекцию человека даже в 1813 г., точно так же, как в 1746 г. пример в этом показал Пьер-Луи де Мопертиус, президент Берлинской Академии наук²⁰. Большинство врачей в XVIII в., однако, отвергали такое использование живых людей как неэтическое и научно бесполезное²¹. Они ссылались на целую традицию, господствующую со времен Галена через Везалия и Харвея до Рольфинка (1599–1673), согласно которой не следует экспериментировать над живыми существами, а нужно тщательно и последовательно изучать анатомию на мертвых телах²². И у Альбрехта фон Галлера «одушевленная анатомия» стала тем, что, как заметил Тарен, и образovalo состав первых методологических экспериментов над зверями ради модернизации физиологической науки²³.

Вторая история произошла 130 годами позже и в отличие от случая Тарена не выходила за грань научной практики. В 1883 г. Этьен-Жюль Маре, занимавшийся физиологией движений, опубликовал в журнале «Ля Натюр», ведущем французском научно-популярном издании, выходящем раз в две недели тиражом ок. 30 000 экз., две статьи, посвященные «Парижской физиологической станции»²⁴. Маре был признанным и уважаемым ученым, и он вполне сознавал важность проводимых им

¹⁸ Там же. S. 410 f.

¹⁹ Zedlers Grosses vollstandiges Universal Lexicon Alter Wissenschaften und Kunste. Bd. 2. Halle; Leipzig, 1732. стлб. 90.

²⁰ Herzog M. Scharfrichterliche Medizin. Zu den Beziehungen zwischen Henker und Arzt, Schafott und Medizin // *Medizinhistorisches Journal*. 1994. № 29. S. 317.

²¹ См. обзор старых дискуссий по вопросу: Trew Ch. J. Vertheidigung der Anatomie. Nürnberg, 1729. S. 40–48.

²² Maehle A.-H., Tröhler U. Animal Experimentation from Antiquity to the End of the Eighteenth Century: Attitudes and Arguments // N. A. Rupke (Hg.). *Vivisection in Historical Perspective*. London; New York; Sidney, 1987. P. 14–47.

²³ Rothsuh K. E. *Physiologie. Der Wandel ihrer Konzepte, Probleme und Methoden vom 16. bis 19 Jahrhundert*. Freiburg; München, 1968. S. 145.

²⁴ Marey E.-J. La Station physiologique de Paris // *La Nature*. 08.09.1883; 29.09.1883.

исследований²⁵. Для него было ясно, что прогресс индустрии, а значит, и статус отдельной нации, напрямую зависит от того, смогла ли наука отыскать себе новые пути²⁶. Он с сожалением отмечал, что если для многих наук созданы новые огромные институты, физиология по-прежнему ютится в «тесных, скудных и душных» лабораториях, в которых и приходится путем вивисекции изучать «интимные механизмы функционирования жизни». Физиология сидит где-то в углу и расчленяет примитивных животных только потому, что она действительно оказалась в маргинальном положении среди прочих наук — она уже не может напрямую найти результаты применения своих исследований.

При поддержке министра образования Жюль Ферри Маре получил участок в Парижском Парк-де-Принс, где он и проводил свои исследования движения лошадей и людей на беговом круге. Дорожка была обнесена стеной, покрашенной в черный цвет, а с другой ее стороны по специально проложенным рельсам двигалась вагонетка с громоздким фотоаппаратом, который фиксировал каждый момент движения, как раз когда расположенные на дороге электромеханические контакты замыкались, и тем самым можно было согласовать работу фотозатвора с действительными моментами движения с помощью своего рода телеграфной связи между движущимся объектом и механизмом фиксации.

Маре задокументировал в «Ля Натюр» все эти движения, показав, как они выглядят графически. Регулируемый затвор камеры позволил передать не только движение лошади и человека, но и полет птицы²⁷. В спокойных опытах исследователя мы видим поздний отзвук той научной утопии, которая за 130 лет до этого была выдвинута Тареном: Маре изучал проблемы физиологии только в ритме движения и на движущихся телах и смотрел, как употребляется энергия при этом движении. Прошло 70 лет с того времени, как Франсуа Мажанди (1783–1855) образовал исследовательскую базу физиологии экспериментами над животными²⁸. Вивисекция, и он говорил об этом еще на лекциях по «Движению в функциях жизни» (*Mouvement dans les Fonctions de la Vie*), легла в основу всей физиологической аргументации Маре; но он был убежден, что вивисекция нарушает нормальное функционирование мышц и поэтому неизбежно искажает общую картину жизни²⁹. При этом он настаивал на том, чтобы изучение мускульной физиологии стало ака-

²⁵ Rabinbach A. *The Human Motor. Energy, Fatigue and the Critique of Modernity*. New York, 1990. P. 87, специально о Маре: P. 84–119; о физиологической станции: P. 106 f.

²⁶ Marey E.-J. *La Station physiologique...* 08.09.1883. S. 226.

²⁷ *La Nature*. 28. 09. 1878; 05.10.1878; 22.04.1882; 22.07.1882; 16.6.1883.

²⁸ См. об этом: Elliott P. *Vivisection and the Emergence of Experimental Physiology in Nineteenth-century France* // Rupke N. A. (Hg.). *Vivisection...* S. 48–77 (в этой работе роль Франсуа Мажанди и Клода Бернара в становлении экспериментальной физиологии, которая прежде считалась решающей, объявляется более скромной).

²⁹ Marey E.-J. *Du Mouvement dans les fonctions de la vie. Leçons faites au Collège de France*. Paris, 1868. S. 258.

демической дисциплиной: теперь следовало думать, что приводимые в течение пяти десятилетий исследования физиологии мускулов и нервов послужат «гимнастическим упражнениям юношества, улучшению профессионализма рабочих и лучшим маневрам солдат». Иначе говоря, надлежало установить правила оптимального использования работы мышц. Вивисекция выглядела здесь провальным опытом, конечно, она позволяет механически и термодинамически концепировать «регулярную игру нормальной жизни» (*jeu regulier de la vie normale*— слова Маре), как это и делал, например Гельмгольц, но она не позволяет изучать жизнь³⁰. Маре стремился постичь ход движений нормальных животных и человеческих тел, как они (и в этом была его новация) в своем ритме, по своим еще нераскрытым закономерностям, уже не поддаются под нарочитое рассмотрение наметанного глаза, но получают нового типа графическое (а с начала 1880-х гг. и фотографическое) запечатление, которое и можно потом будет описывать³¹.

Обе истории показывают, что инценирование человеческого тела преследовало единую цель — пользу «каждого человека». Но меня в этой истории интересует то, что вполне вписывается в «нормальную науку»: а именно, научно-культурное производство тех образов, в которых субъект вновь опознает самого себя и может уже сказать, что «обладает телом»! В дальнейшем, потребовав некоторого терпения, изложении культурных предпосылок и импликаций обеих историй будет показано, что формы видимости тел становились все более техническими и абстрактными, то есть опосредованными. А это означает, что была принята сложная диспозиция восприятия: между призрачным объектом, каким и стало человеческое тело под взглядом науки, и зрителем, который структурно выделялся своей близостью к этому объекту.

3. Анатомия как спектакль

Текст Тарена может повести нас по ложному пути; но мы не должны забывать, что он был напечатан в «Энциклопедии» и представлял, без сомнения, одну из стратегически значимых статей этого издания. В статье открыто утверждалась необходимость инценировки тела как ученого и при этом открытого взору любого человека объекта. Такой объект сразу начинает выступать не только в научном, но и в культурном контексте, что для современников Просвещения было еще очевиднее, чем для нас — нам еще приходится все это реконструировать. Можно гово-

³⁰ Marey E.-J. La Station physiologique... 08. 09.1883. S. 227; cp. Rabinbach A. The Human Motor... S. 90–92.

³¹ Marey E.-J. Lettre à M. Brown-Sequard, sur la mesure des mouvements qui échappent jusqu'ici à l'observation // Archives de Physiologie normale et pathologique / hg. von Brown-Sequard. 5ème série. Bd. 6, 26. Jg. 1894. S. 182–185; он же. La Photochronographie et ses applications a l'analyse des phénomènes physiologiques // ibid. 5ème série. Bd. 1, 21. Jg., 1889. S. 509–517.

речь здесь о целом давнем ритуале раскрытия тела во время смертной казни, об анатомическом спектакле, который тогда переживал свое время расцвета, а в XIX в. пришел в окончательный упадок.

В старорежимном обществе смертная казнь представляла собой зрелище для широкой публики, которое как церковные праздники или прибытие короля собирало тысячи зрителей. С XVI по XIX в. было принято устраивать казни на центральной площади, оповещая всех об этом при помощи специальных объявлений, чтобы все жители города могли собраться вместе: на площади сооружались трибуны вокруг эшафота, чтобы каждый зритель мог занять свое место и проследить всю процедуру казни³². Сначала казни были очень свирепыми: все мы слышали о колесовании, четвертовании и сжигании, когда повреждение тела должно было отразить оскорбление, нанесенное власти, и тем самым понести наказание за свой грех³³. Но потом эти роды казни стали редкими: предпочтение отдавалось менее кровавым экзекуциям прежде всего отсечению головы и «безболезненному» повешению (в сравнении с клеймением огнем и другими видами членовредительства, которые полагались по закону до конца XVIII в.). Но повешение, причиняя наименьшие страдания, оказывалось и самой страшной казнью: труп казненного оставляли на виселице, где он мотался до тех пор, пока его до костей не сжирала птица. Наравне с телесным насилием, включавшим массовое членовредительство, оно в городских обществах раннего Нового времени было не только допустимым, но и привычным³⁴, существовали и предпринимавшие властью инсценировки, которые привели к тому, что в период с конца XIII до начала XVIII в. порядок проведения экзекуции был внесен в законодательство. В сложных случаях казнь должна была производиться под наблюдением врача³⁵. Кроме того, тело повешенного или казненного секирой потом еще раз выставлялось на всеобщее обозрение со всеми признаками увечий, дабы никто не миновал его своим вниманием.

По сути, видимость окровавленного и изувеченного тела преступника стала первым из «масс-медиа кануна Нового времени»³⁶ — речь идет, конечно, не о боли и не об окровавленной плоти как таковой, но о том

³² von Dulmen R. Das Schauspiel des Todes. Hinrichtungen in der Frühen Neuzeit // R. von Dulmen, N. Schindler (Hg.). *Volkskultur. Zur Wiederentdeckung des vergessenen Alltags* (16.–20. Jahrhundert). Frankfurt am Main, 1987 (первое издание: 1984). S. 203–245.

³³ Foucault M. *Überwachen und Strafen. Die Geburt des Gefängnisses*. 3. Aufl. Frankfurt am Main, 1979 (Original: Paris, 1975). S. 64 f. [Фуко М. *Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы*. М., 1999].

³⁴ Groebner V. *Der verletzte Körper und die Stadt. Gewalttätigkeit und Gewalt in Nürnberg am Ende des 15. Jahrhunderts* // Th. Lindenberger, A. Ludtke (Hg.). *Physische Gewalt. Studien zur Geschichte der Neuzeit*. Frankfurt am Main, 1995. S. 162–189.

³⁵ Peters E. *Folter. Geschichte der peinlichen Befragung*. Hamburg, 1991. S. 68–107.

³⁶ Groebner V. *Das Blut sehen: Christus als Delinquent im späten Mittelalter* // Chr. Geissmar, E. Louis (Hg.). *Glaube. Hoffnung. Liebe. Tod. Katalog der Ausstellung in der Graphischen Sammlung Albertina und der Kunsthalle*. Wien, 1995. S. 122–125.

состоянии раскаяния, исповеди и терзания, которые, будучи представлены телесно, опять же соотносили душевное состояние преступника с образом смерти Крестной. Здесь осуществлялся преисполненный до краев религиозными коннотациями «Театр милости»³⁷ для зрителей. Они должны были следить не только за примером тяжкого наказания преступнику и могущества государственной власти, они также должны были увидеть перед собой «истину»³⁸ и искупление, дарованное пыткой телу жертвы. Страдания преступника и его христианская смерть, происходя на глазах у зрителей, становились незабываемым уроком или, говоря словами Тарена, той «необходимостью», которая требует и легитимирует зрителей.

Гильотина, введенная по решению французского Национального собрания в 1792 г., в качестве машины порвала со всей этой мистериальной театральностью: она изменила быстротой обезглавливания привычки зрения, и сама была рефлексом этого изменения. Более того, из-за ее массивного применения во время Французской революции сама гильотина стала выражением архаической кровожадности, которая, изменив чувственность человека, уже не довольствовалась прежней открытостью тела, но, напротив, отменяла эту открытость³⁹. В начале XIX в. по всей Европе смертные приговоры, за немногими исключениями, приводились в исполнение уже за закрытыми дверями.

Столь кратко изложенная история калечимого в присутствии зрителей тела и образует общую (и вполне расхожую) рамку, в которой и разыгралась более специальная история – вскрытия тела в медицинских целях. Полоса общности этих двух историй тем неразрывнее, что палач был найденным толпой специалистом по врачебному искусству⁴⁰, который потом на глазах у всех осознанно инсценировал операцию на кровотоком теле. Аутопсия и рассечение трупов было в Италии раннего Ренессанса нормальной практикой и частью ритуала погребения, вошедшей и в судебную медицину, и в курс медицинского образования. Анатомическое рассечение (вскрытие) преподавалось в Болонском университете уже в начале XIV в., и в качестве материала использовались трупы казненных, а уже в XV в. то же самое открыто делалось по всей Италии⁴¹. Требовалось место, чтобы рассадить всех благодар-

³⁷ Валентин Гребнер, которому я выражаю глубокую признательность, предостерег меня от многих ошибок и неточностей при интерпретации событий раннего Нового времени. Но мне придется самому отвечать за свое изложение, вынужденно опустив все разъяснения коллеги ради краткости.

³⁸ Foucault M. Überwachen... S. 73 [гл. 2: Блеск казни].

³⁹ Arasse D. Die Guillotine. Die Macht der Maschine und das Schauspiel der Gerechtigkeit. Reinbek bei Hamburg, 1988 (ориг. изд.: Paris, 1987).

⁴⁰ Herzog M. Scharfrichterliche Medizin... S. 311–313, 319–322; von Dulmen R. Das Schauspiel des Todes... S. 217.

⁴¹ Park K. The Criminal and the Saintly Body: Autopsy and Dissection in Renaissance Italy // Renaissance Quarterly. 1994. № 47. P. 1–33; cp. Artelt W. Die ältesten Nachrichten... S. 21–24.

ных зрителей: аристократов, профессоров, горожан и немногочисленных в сравнении с остальной толпой студентов-медиков, поэтому вскрытие сначала производилось в церкви. Так, некий Феликс Платтер произвел вскрытие трупа разбойника, добравшись до костей скелета в церкви Елизаветы в Базеле⁴². Затем такие операции перевели в специальные временные павильоны, быстро ставившиеся из досок. В конце XVI в. появились первые воздвигнутые для этой цели анатомические театры (в Падуе такое учреждение начало работу в 1594 г., в Лейдене — в 1597, а в XVII в. театры стояли уже во многих городах Европы)⁴³. Я еще вернусь к вопросу, что могли «разглядеть» зрители в изуродованном пытками или рассеченном скальпелем врача теле; нам пока важно подчеркнуть, что смысл публичного анатомического рассечения явно состоял в *изучении*. Начиная с Везалия, то есть с середины XVI в., анатомы стали провозглашать, что публично вскрываемые тела должны считаться воплощением анатомической нормы, и как показал Везалий в Падуе, именно возрождение настоящей анатомии и было целью этих мероприятий⁴⁴.

На рубеже XVI и XVII вв. анатомические вскрытия превратились в настоящие спектакли. Так, в Болонье академически-научные рассечения трупов проходили во время карнавала, и возник целый народный праздник (*функционе*), который справлялся в анатомическом театре в присутствии многочисленной почтенной публики. Такие вскрытия трупов на карнавале производились до самого конца XVIII в.; нечто подобное наблюдается для указанного периода и в Пизе, Падуе, Риме и Турине, о чем имеется достаточно свидетельств⁴⁵.

Конечно, это новое открытие телесности не избежало критики. В XVI в. страх перед похищением трупов студентами-медиками заставлял ставить ложные надгробия — столь часто стали проводиться вскрытия. В северной Европе запреты на вскрытие трупов были наиболее строгими: вообще, вне Италии, вскрытие трупов в присутствии публики допускалось только в небольшом числе городов — университетских центров⁴⁶. Только в Париже анатомы могли получить столько трупов, сколько им было нужно, и Париж стал первым городом по ту сторону Альп, в котором в 1672 г. был построен свой анатомический театр. Это здание было круглым, с рядами лож, и вмещало в себя около 500 зрителей. Король издал специальный указ о том, чтобы, имея в виду заботу о лучшей подготовке будущих хирургов, анатомические и хирургические демонстрации производились публично и без взимания входной пла-

⁴² Lötcher V. Der Henker von Basel // *Easier Stadtbuch* 1969. Basel, 1968. S. 94.

⁴³ Richter G. Das anatomische Theater (= Abhandlungen zur Geschichte der Medizin und der Naturwissenschaften. Heft 16). Berlin, 1936. S. 33–51.

⁴⁴ Harcourt G. Andreas Vesalius and the Anatomy of Antique Sculptures // *Representations*. Winter 1987. № 17. P. 28–61 (особенно P. 42–45, 52).

⁴⁵ Richter G. Das anatomische Theater... S. 56–59.

⁴⁶ Park K. The Life of the Corpse: Division and Dissection in Late Medieval Europe // *Journal of the History of Medicine and Allied Sciences*. 1995. № 50. P. 111–132, особенно P. 115–119, 126 f.

ты, в зимнее время года. Хирургические демонстрации на трупах производились в Париже кроме анатомического театра еще в трех местах: и в Королевском саду наплыв толпы был столь велик, что стража была вынуждена ограничить вход, и все их усилия были направлены на то, чтобы отличить образованных подмастеров цирюльников от праздных зевак, которых одно лишь любопытство влечет на всякое зрелище⁴⁷.

После Французской революции открытая видимость крови и расчлененных тел, сваленных в груды, могла удовлетворить любопытство уже любого. Как заметил потом немецкий врач Иоганн Каспер (1822), на вскрытиях в Сальпетриере собиралось до сотни праздношатаев, обступивших старый операционный стол⁴⁸. А в Отель-Дье, знаменитой на всю Европу хирургической больнице, Гийом Дюпоитрен (1777–1835) демонстрировал свое искусство в операционном зале на три сотни мест перед «смешанной публикой», перед этим давая газетные объявления об особо зрелищных случаях⁴⁹. Но публика весьма быстро остыла к анатомическим демонстрациям, более того, стала падать в обморок при виде трупов собак на улице, не говоря уже о лошадях. Соответственно, если еще Декарт настаивал на открытой вивисекции, благодаря чему Гарвей и смог доказать факт кровообращения, то лишь в начале XIX в. тела зверей, в которых текла кровь, стали массово попадать на операционные столы⁵⁰. Замечательно, что во время революции 1848 г. восставшие массы позаботились собрать, чтобы произвести эффект ужаса, не только тела своих павших товарищей, но и изуродованный труп лошади, связав тем самым социальный страх буржуазии перед революцией с режимом открытой видимости окровавленных тел: вперемешку тел людей и животных. В 1850 г., как раз в гущу классовой борьбы, сопровождавшей становление Второй Республики, был внесен на рассмотрение и принят первый закон о защите животных, согласно которому дурное обращение с домашними животными, ставшее известным окружающим, каралось штрафом⁵¹.

Несмотря на все значимые региональные различия и на тот факт, что публичные вскрытия за немногими исключениями представляли собой только изысканное зрелище для образованной публики и студентов-медиков в самых важных университетских центрах, до самого конца старого режима просуществовала культура, в которой контролируемая

47 Dionis P. Cours d' Opérations de Chirurgie, Demontrees au Jardin Royal, Paris, 1708. Préface (без пагин.); ср. Он же. L'Anatomie de l'Homme suivant la Circulation du Sang, & les dernieres Découvertes. 3. Auf. Paris, 1698. Préface.

48 Casper J. L. Charakteristik der französischen Medizin mit vergleichenden Hinblicken auf die englische. Leipzig, 1822. S. 450.

49 Там же. S. 141.

50 Maehle A.-H., Tröhler U. Animal Experimentation... S. 25.

51 Agulhon M. Das Blut der Tiere. Das Problem des Tierschutzes im Frankreich des 19. Jahrhunderts // Agulhon M. Der vagabundierende Blick. Für ein neues Verständnis politischer Geschichtsschreibung. Frankfurt am Main, 1995 (оригинальная публикация: Paris, 1988). S. 114–153, особенно S. 115, 124.

и проходящая по определенному сценарию публичная казнь, равно как и расчленение трупа, не считалось чем-то запретным. Должны ли мы связывать медицинскую процедуру вскрытия с судебной санкционированной процедурой приведения приговора в исполнение? Связь между этими двумя явлениями — в превращении самого тела в сцену. Тело стало объектом, который благодаря самовидности плоти и крови занял привилегированное место в канун Нового времени; иначе говоря, оно стало сценой представления смысла. Поэтому так напряженно ожидался момент возмездия, когда рука палача касалась тела жертвы по велению верховной власти. Это возмездие заново преломлялось и отражалось в расчленении гибнущего тела, тогда как в воплях пытаемого звучала на всю округу истина о человеке. Но и анатомическое вскрытие уже мертвого преступника, уже в статических формах разыгрывало нечто подобное: всегда предсказуемый порядок органов служил верным зеркалом природы, в котором отражался и сложный строй политического тела, и тот самый социальный порядок, на который покусился обезвреженный злодей. Глаз анатома, вглядываясь в разъятое на части тело, вовсе не был вывернутой наизнанку исходной точкой современной науки. Напротив, происходило разглядывание немых и изъятых из течения времени тел, как и обозначил это декрет Людовика XIV от 1673 г., в котором повелевалось, чтобы это полезное искусство преподавалось в Королевском Саду «при открытых дверях и задаром»⁵².

Сама внутренняя форма слова «преступник» придает анатомическому расчленению его трупа еще одно смысловое измерение. В народе было распространено поверье, что тело казненного преступника производит действия, хотя и неведомые небу, но и несводимые к земному порядку. Останки преступников могли выполнять иногда те же функции, что и мощи святых; но при этом в отличие от последних не только приносили исцеление, но и употреблялись для наведения порчи. Именно поэтому палачи, они же аптекари, готовили из костей и черепа, из мяса, кожи и жира казненного преступника снадобья и порошки, которые потом продавали на вес. Вера в целительную силу тела преступника основывалась на религиозном понимании его смерти: «Смерть преступника была овезяна сотериологическим смыслом: она понималась как замена заместительной жертвы Христа»⁵³.

Таким образом, казненный преступник выполнял в народной сотериологии *функцию фантазма* в психоаналитическом смысле этого понятия: фантазм структурирует тот способ и модель, по которой индивид хотя бы виртуально (*gegebenenfalls virtuell*) ощущает/воспринимает целую культуру или, в терминологии Лакана, «нехватку», получая и зада-

⁵² Dionis P. Cours d' Opérations..., Widmung Au Roy..., а. а. О. (без пагин.); Foucault M. Die Geburt der Klinik. Eine Archäologie des ärztlichen Blicks. Frankfurt am Main, 1988 (ориг. изд.: Paris, 1963). S. 139.

⁵³ Herzog M. Scharfrichterliche Medizin... S. 326.

ваемое направление в сторону «желанного». Другими словами, фантазм— это матрица желания, схема хотения⁵⁴; это тот самый *сюжет* восприятия, который в культурно разработанной форме называется историей— такая история всякий раз может быть вновь рассказана и инсценирована, чтобы наделить смыслом многие вещи. В условиях периодически повторяемых голодных лет, примитивных болеутолительных средств и крайне ограниченных возможностей оказания медицинской помощи, как это было в общем до середины XIX в. (до последнего крупного европейского голода и до распространения эфира в 1847 г.), кровавая смерть истязаемых преступников всякий раз оказывалась в центре фантазматической картины— Христа, страдающего на Кресте от кровоточащих ран, и потому воспринималась с немим благоговением: Христос, «принявший на Себя грехи всех нас» умер неприглядной смертью, «как преступник» (Мк. 15, 28), повешенный между двумя убийцами. И вот зрители, которые сами хотя бы немного были готовы отождествить себя с казнимым, начинали сострадать всем этим признакам мук, ожидая самого настоящего вида искупительной смерти: перед толпой вдруг вместо преступника, наказанного за злодеяния, представал новый образ, и палачу надлежало только скорее совершить свое деяние, исполнить страшную жертву. Преступник, как только что было сказано, становился метонимией Христа, воспроизводя и Крестные муки, и растерзание тела, и исцеление всех людей. Почитание Страстей Христовых распространялось по всей Европе: так, в XIV в. были созданы специальные мессы, состоявшие из прославления Ран Господних⁵⁵. Эти образы очень часто чуть ли не перекрывали друг друга: действия о Страстях Господних (*Passionsspiele*) разыгрывались на центральных городских площадях, где и приводились в исполнение смертные приговоры, и в народной литературе «летучих листков» второй половины XVI в. при изображении осужденных на смерть прямо-таки подчеркивается эта метонимия, совершенно медийным образом⁵⁶. Даже в XVIII в. Жак Гамелин опубликовал иллюстрации к своему «Очерку остеологии и миологии» (*Recueil d'ostéologie et de myologie*) в двух видах: в одном случае к рисункам шли анатомические подписи, в другом— были даны религиозно-нравственные эпиграфы, которые позволяли связать науку и веру с помощью изображения вскрытых тел. А также и искусство приготовления анатомиче-

⁵⁴ Фантазм— это сигнификативная структура, которая возникает под давлением языка из первоначального вытеснения уже утраченного объекта наслаждения («объект *a*», по Лакану), и организует, часто надиндивидуальным способом, основополагающие способы восприятия действительности, мечты и модели поведения. См. об этом: De Neutre P. *Fantasme* // *Dictionnaire de la Psychanalyse* /éd. R. Chemama (Larousse References, Science de l'Homme). Paris, 1993. P. 79–82.

⁵⁵ Rubin M. *Corpus Christi. The Eucharist in the Late Medieval Culture*. Cambridge, 1991. P. 304 f.

⁵⁶ Но при этом во всех этих формах представления смерти Христовой крылась опасность, как бы инсценировка не подменила Христа Антихристом— таким образом, смысл открыто видимого тела никогда не был окончательно определенным и стабильным. (Groebner V. *Das Blut sehen...* S. 124 f.).

ских восковых препаратов, которые позволяли решить проблему сохранения на долгое время всех анатомических сечений, возникла в Италии в конце XVII в., как раз в связи с традицией трехмерного представления частей тела в религиозных «приношениях» (вотумах) святыне⁵⁷.

Подытожим сказанное. Представление Тарена о допустимости страданий при вивисекции караемого за свои прегрешения преступника согласно приговору истины, ради медицинских и общественных целей, черпает свою доказательность из смешения унаследованных культурой религиозной коннотаций, процессуального оправдания пыток и профессиональных медицинских нужд анатомии. Видимость вскрытого человеческого тела структурировалась фантазматическими образами, которые и накладывались на то рациональное и дидактическое просчитывание пользы, которое просветители и хотели сделать мерилем всякого социального действия. Образ страдания чужого тела, инсценируемых перед публикой, был по-прежнему сложным образом связан с целительным телом Христовым. «Полезность», которой Тарен требовал от вивисекции преступников на глазах просвещенной публики, возобладала в экспериментах с животными — состоявшимися благодаря внушенной Декартом убежденности, что «телесные машины» животных все равно нечувствительны к боли, раз не могут ее осознать. Таким образом, мы видим, что парадоксальное предложение Тарена само обозначило некоторую границу. Публично вскрываемые тела в XVIII в. принадлежат анатомической культуре, при этом не прекращая быть телами казнимых преступников и образом спасительной Жертвы. Тогда как «внезапно всех накрывшая физиологическая культура»⁵⁸ XIX в. уже не велела показывать трупы на публике, а физиологам оставила только вскрытия животных в лабораториях. Но можно ли сказать, что от этого окончательно исчезли фантазматические значения открыто видимого и вместе с тем медицински осматриваемого тела? Неужели наука прекратила выдавать образы тел, про которые можно было говорить как про «научное достояние»? Чтобы ответить на эти вопросы, мы должны еще раз вернуться к двум нашим историям, на этот раз уделив предпочтительное внимание Маре.

4. Физиология Маре под открытым небом и «физиологические курьезы»

Итак, Маре в 1883 г. выступил в журнале «Ла Натюр» с сообщением о своем изучении движений бегущих людей и скачущих лошадей. Свою лабораторию он разместил под открытым небом, устроив круговую дорожку, и мы видим, что такая открытость была обусловлена вовсе не физиологией, но вполне отвечала нормам инсценировки объекта

⁵⁷ Lemire M. *Fortunes et infortunes de l'anatomie et des préparations anatomiques, naturelles et artificielles* // Clair J. (Hg.). *L'âme au corps, arts et sciences 1793–1993* (Ausstellungskatalog Galeries nationales du Grand Palais). Paris, 1994. P. 75, 78.

⁵⁸ Ludwig C. *Lehrbuch der Physiologie...* От автора. S. VI.

исследования для удовлетворения всеобщего любопытства. Первоначально он видел практическое применение своих открытий в области физиологии движения мускул — в разработке гимнастических упражнений для юношества, производственной зарядки для рабочих и развития ловкости и скорости у солдат. Но публикация его результатов не состоялась бы⁵⁹, если бы не был создан рынок научно-популярных медиа, которые во многом благодаря новым удешевленным технологиям печати и воспроизведения иллюстраций (скоростная печать, деревянные и стальные клише высокой четкости передачи изображения) стали выходить достаточными тиражами и тем самым массово изменили все условия открытой видимости науки⁶⁰.

К тому же интересна и подчеркнутая во Введении взаимосвязь между научным понятием и культурным контекстом его возникновения и функционирования. Такая тесная взаимосвязь проявляется как раз тогда, когда мы плотнее начинаем заниматься теми означающими, с опорой на которые психологи и рассказывают свои истории или же разрабатывают свои тесты. Метафорика конкретного разыгрывания физиологической аргументации не означает ничего большего, чем линейное, и признающее только одну причину, разрабатывание взаимосвязи понятий: между научным высказыванием и языком, на котором оно сформулировано или еще более общее — между наукой и культурным контекстом. Из самого «оборота означающих» происходит важный для нас вывод: не существует никакого (даже в намерении) истока смысла, в научных дискурсах мы обнаруживаем только означающие, смысл которых производится как эффект в сложных ситуациях употребления⁶¹.

Круговая дорожка в Парк-де-Принс, по которой должны были мчаться люди — бегуны и скаковые лошади, не предусматривала строительства вокруг нее трибун для зрителей. Но тем не менее эта дорожка, на которой Маре наблюдал конский галоп и бег отобранных им мускулистых людей, легко вписывалась в тот контекст популярной культуры, который возникал в эти годы. Во Франции и в Германии уже всюду устраивались бега людей наперегонки с лошадей, соревнования на скорость или на время⁶² — в Вене, Берлине и Париже эти бега внезапно стали излюбленным зрелищем. Так, лейпцигская «Иллюстрированная газета» писала в 1881 г.:

⁵⁹ Marey E.-J. Développement de la méthode graphique par l'emploi de la photographies Supplément à la méthode graphique dans les sciences expérimentales (1878). Paris, 1884.

⁶⁰ О методах популяризации науки в XIX в. см. в частности: Beguet B. La vulgarisation scientifique au XIXe siècle // Beguet B., Cantor M., Le Men S. (Hg.). La Science pour tous (Ausstellungskatalog Musée d'Orsay). Paris, 1994 (= Les Dossiers du Musée d'Orsay. № 52); см. также: Raichvarg D., Jacques J. Savants et Ignorants. Une histoire de la vulgarisation des sciences. Paris, 1991.

⁶¹ Ср.: Keller E. F. Organismus... S. 325; Abel G. Interpretationswelten. Gegenwartsphilosophie zwischen Essentialismus und Relativismus. Frankfurt am Main, 1993.

⁶² Eichberg H. Leistung, Spannung, Geschwindigkeit. Sport und Tanz im gesellschaftlichen Wandel des 18. / 19. Jahrhunderts. Stuttgart, 1978. S. 59

«Берлин превратился в один большой город бегунов. В Хоппегартене и в Лянквиц-Лихтерфельде чистокровные лошади мчатся во весь опор, листовки сообщают о бегунах на длинную дистанцию, и чуть ли на каждой улице организуют теперь бег для мужчин и женщин на приз квартала». Конечно, конные бега давно стали традицией: первые конные состязания состоялись в 1810 г. в Мюнхене, а первый спортивный ипподром заработал в Берлине в 1829 г. Во Франции в 1834 г. был основан первый жокейский клуб⁶³. Но новым было то, что впервые бегуны стали соревноваться в беге с конями, добываясь предельного напряжения собственных сил. Так, «Клуб бегового спорта Икаррия», пропагандировавший бег на короткие дистанции, заявлял, что организация такого бега «верно воспроизводит конские бега», и что «человеку разумному должно быть доступно то же самое ощущение скорости»⁶⁴. Бегуны были одеты как жокеи и даже держали в руке хлыст, они иногда и называли себя «жокеями». Когда в Париже в 1884 г. начал работу «Беговой клуб», то главным соревнованием для бегунов был бег с препятствиями, копировавший соответствующую форму скачек. «Жокеи без лошадей» — это была расхожая, но при этом весьма осмысленная метафора: она позволила по-новому закодировать само значение бега. Очень важно, что такое отождествление бега человека с бегом лошади восходит к тем «впереди шествующим», которые бежали перед экипажем знатного господина, расчищая путь и сообщая о том, кто едет. Между этими «впереди шествующими» устраивались бега, и они выступали, как и кони, под именем господина, разбегавшего в собственном экипаже. До Мартовской революции 1848 г. в Германии прогрессивная буржуазная критика таких «людских гонок» весьма преуспела: говорилось, что такой частый бег просто опасен для здоровья бегунов, что перед нами бессмысленное злоупотребление человеческой силой, праздное наслаждение бесполезно пыхтящими как паровые котлы телами — столь же бесполезное, сколь бесполезна сама аристократия⁶⁵. Бегуны — «жокеи» ознаменовали переход от конских бегов и охотничьей резвости «впереди шествующих» к современному бегу, который представляет собой рационализированное применение в теле человека «лошадиной силы».

Накачивание мышц до боли и изнуряющий бег по кругу оценивались самыми влиятельными гигиенистами и приверженцами «рациональной», иначе «шведской гимнастики» (П. Х. Линг) до самого конца XIX в. как то, что может скорее подорвать здоровье, чем укрепить⁶⁶. Дискус-

⁶³ Он начал работу в Париже. См. в связи с этим и другими примерами: Wildt Kl. C. Daten zur Sportgeschichte. Teil 2: Europa von 1750 bis 1894. Schorndorf bei Stuttgart, 1972; Brucker O. 2000 Daten und Taten aus der Welt des Sports. Wiesbaden, 1991.

⁶⁴ Leipziger Illustrierte Zeitung. 23.7.1881

⁶⁵ Oettermann S. Läufer und Vorläufer. Zu einer Kulturgeschichte des Laufsports. Fr. am M., 1984. S. 69.

⁶⁶ См. об этом подробно: Moritz Schreber D. G. Aertzliche Zimmerymnastik oder System der ohne Geräth und Beistand überall ausfuhrbaren heilgymnastischen Freiübungen. 17. Aufl. Leipzig, 1882. S. 42 f.

сия между сторонниками этой практики и поборниками военно-тренировочной гимнастики вылилась в Германии в так называемый «спор о турниках» (Barrenstreit), который начал Рудольф Вирхов в прусской палате депутатов, и на который ссылался Эмиль дю Буа-Реймон, обосновывая необходимость турников для полноценных физических занятий⁶⁷. Но в связи с нашей темой важнее то, что если турники (или «снаряды», потому что во французском языке такого слова нет) позволяли держать спортивную форму за счет напряжения сил только на несколько секунд⁶⁸, то бег позволял продлить напряжение на несколько минут или даже на несколько часов, обеспечив тем самым совершенное функционирование организма; или, если пользоваться современной метафорой, осуществлялся пауэр-менеджмент с помощью новых и научно обоснованных приспособлений: кроме бега, в это же время получают распространение велоспорт и гребля. В последней трети XIX в. во всех крупнейших европейских городах выступали открыто видимые тела, сила и «дыхание» которых, достигая предела, вовсе не изматывала их до смерти — напротив, это был спектакль, когда все, «затаив дыхание», смотрели на самое эффективное употребление энергии. В 1862 г. в Лондоне прошли первые открытые соревнования по бегу в современном смысле, а в 1884 г журнал «Ля Натюр» напечатал серию статей о предельных возможностях человеческого тела, которые открылись во время этих состязаний — эти статьи были напечатаны под многозначительным заголовком «Физиологические курьезы»⁶⁹. Эти люди отличались от тех «цивильных мужчин», которые гремели в Швеции, показывая «напряжение всех своих членов»: любой из них взбежал на пятый этаж и мог догнать омнибус. По-настоящему тренированные (*l'homme entraîné*), они могли посвящать «целые часы бегу на длинные дистанции, оставляя позади себя лошадей и собак, и готовясь к соперничеству уже с дикими зверьями». Сразу вставал вопрос: можно ли сказать, что природа у этих людей осталась той же, что и у рядовых людей? Журнал отвечал на этот вопрос: «Бег — это упражнение, требующее крайнего напряжения сил (*violant*) но нельзя спорить с тем, что оно вполне соразмерно с человеческой природой, и прежде всего в том смысле, что человек достигает максимальной выработки — он переносит максимально возможное число килограммов на максимально возможное число метров с минимально возможным при этом утомлением»⁷⁰. Маре со своей стороны восхищался невиданной способностью этих бегунов так эффек-

⁶⁷ du Bois-Reymond E. Ueber das Barrenturnen und über die sogenannte rationelle Gymnastik. Berlin, 1862. [занимательно, что слово Barrenturnen означает в первую очередь упражнения на брусьях или на гимнастическом коне, т. е. связь с темой «лошадиной силы» прослеживается даже на самом поверхностном уровне образности и топике. — Прим. пер.].

⁶⁸ Там же. S. 7.

⁶⁹ Серия статей *Curiosités Physiologiques* // *La Nature*. 22. 03. 1884; 17. 05. 1884; 06. 09. 1884; 04. 10. 1884.

⁷⁰ *La Nature*. 17. 05. 1884. S. 386.

тивно распоряжаться своей энергией, а также их спортивным профессионализмом — как писал Маре, «они в своем деле — виртуозы, они не совершают ни одного лишнего движения и могут сразу отрегулировать и ритм, и длительность своего бега»⁷¹.

Маре был вовсе не одинок. В 1880 г. Жорж Демени, его ассистент по Коллеж де Франс и одновременно ученик Ипполита Триа, знаменитого основателя силовой гимнастики для мужчин и женщин, которой в 1850-е гг. увлеклась вся парижская золотая молодежь⁷², создал «Кружок рациональной гимнастики» (*Cercle de gymnastique rationnelle*) и в 1886 г. опубликовал «Краткое изложение теоретического курса физического воспитания»⁷³. В 1887 г. Маре возглавил Государственную комиссию по вопросам физического воспитания в общеобразовательных школах, и в 1888 г. выпустил книгу Филиппа Тисси «Здоровье велосипедиста» как первое физиологическое исследование по отдельному виду спорта. В том же 1888 г. ученик Маре Фернанд Лагранж напечатал свою знаменитую книгу «Физиология телесных упражнений», которую читали во всех концах Франции, и наконец, в 1895 г. Поль Ришер обобщил опыт исследования движений в лаборатории Маре в своей «Физиологии для художников», которая предназначалась для студентов школ живописи⁷⁴.

Взаимовлияние науки и массовой культуры, которое с наибольшей очевидностью проявилось в развитии такого вида спорта, как бег, весьма важно: с одной стороны, бывшие слуги, бежавшие впереди кареты, превратились в профессиональных бегунов, стали настоящими спортсменами, которые всех удивляли своими рекордами. Одним из таких «чудо — бегунов» был берлинец Кэперник, который при стечении большого количества народа выиграл соревнование с бежавшим рысью конем⁷⁵. Спорт стал считаться важной частью буржуазного образа жизни: дамы и господа регулярно стали ходить в спортивные клубы и заниматься там бегом, считая это наилучшим наполнением своего свободного времени. В 1875 г. в Париже был создан «Клуб бегунов», в 1880 г. в Гамбурге образовался «Комитет бегового спорта», в том же самом году в Париже на вокзале Сен-Лазар прошло первое открытое соревнование по бегу, а в 1882 г. в саду Тюильри на празднике бега профессиональные бегуны уже соревновались за денежный приз.

С другой стороны, все эти спортивные достижения привлекали внимание не только все время растущей бушующей толпы зрителей, но и физиологов, интерес которых был очень убедителен. В деятельности Маре такая связь зрелища и научного интереса отмечена со всей

71 Marey E.-J. *Études pratiques sur la marche de l'homme* // *La Nature*. 24. 01. 1885. S. 119.

72 Andrieu G. *Force et Beauté. Histoire de l'Esthétique en Éducation Physique aux XIXe et XXe siècles*. Bordeaux, 1992. S. 42–51.

73 Demeny G. *Résumé des cours théoriques sur l'éducation physique*. Le Mans, 1886.

74 Lagrange F. *Physiologie des exercices du corps*. Paris, 1888; Richer P. *Physiologie artistique*. Paris, 1895.

75 *Leipziger Illustrierte Zeitung*. 06.08.1881.

прямотой. Но можно ли поставить на одну доску Маре, Демени, Тисси и других? Если мы вновь обратимся к опыту Германии, то здесь показательны выводы, к которым пришел Э. Пфлюгер в «Архиве сравнительной физиологии человека и животных». Он доказывал, что в Германии физиологи сосредотачивались на работе отдельных органов, а не как во Франции, на работе всего организма. Физиология предпочитала в Германии эмпирическое исследование термодинамической модели тела, и только для этого и нужно было проводить эксперименты над животными — на термодинамике немцы и останавливались. Но существуют и значимые исключения из этого правила — ведь как только заходила речь о теле реального человека, о теле мужчины, то сразу же оно начинало казаться «физиологическим курьезом», особенно на фоне буржуазного тела самого исследователя. Так, в 1883 г. Э. Тигель опубликовал свои наблюдения над двумя известными ему «японскими бегунами», которые всю свою жизнь прослужили курьерами и возильщиками. Это были двое работяг, но экзотических — те самые «физиологические курьезы», которые так же могли соревноваться с лошадьми, как и европейские чудо — бегуны. Для Тигеля японские бегуны — «комические фигуры»⁷⁶. Автор пишет в «Архиве» «О действии мышц и состоянии тела в связи с этим, о дыхании, кровообращении, температуре и питании»⁷⁷, он восхищается умеренным содержанием углекислого газа в крови опытных бегунов, «удивительной стройностью их кровообращения» и «стабильно невысоким» пульсом⁷⁸. Он измерял температуру тела с помощью разработанного им самим устройства, сразу определявшего температуру струи мочи — после получаса бега она составляла 40°С. Тем же самым способом он фиксировал «необычайно низкое падение температуры утром» (до 35°С). Он писал: «Совершенно невозможно при этом объявить происходящее коллапсом, только из-за того, что испытуемые не могут всякий раз равняться с лошадьми по скорости бега. Знание кислородного обмена поможет пролить свет на эту важную проблему»⁷⁹.

Исследования по обмену веществ при вдыхании и выдыхании проводились с конца 1880-х гг. в Париже под руководством Анрио и Рише, а также в Берлине Цунцем и сотрудниками его лаборатории. При этом нашел применение «ступенчатый механизм» (Tretmühle), заимствованный из устройства паровой машины, который позволял измерять работу, затраченную при «ходьбе, беге и подъеме в гору», причем испытуемые могли при этом не покидать стены лаборатории. Такое исследование реальной работы было гораздо важнее, чем первоначально

⁷⁶ Tiegel E. Von den Japanischen Laufnern // Archiv für die gesamte Physiologie/hg. von E. Pflüger (далее — «Архив», Pflügers Archiv). 1883. Bd. 31. S. 612.

⁷⁷ Там же. S. 608.

⁷⁸ Там же. S. 614 f.

⁷⁹ Там же. S. 616.

разбиравшаяся Анрио и Рише работа при подъеме тяжестей и при вращении, когда усилия локтей и рук измерялись с помощью эргометра⁸⁰. В 1898 г. Л. Цунц издал в качестве кандидатской диссертации по медицине свое исследование: «О кислородном обмене и восстановлении энергии у велосипедиста»⁸¹ — подопытному велосипедисту, конечно, приходилось часами ездить по кругу. Показатели велосипедиста сравнивались при этом с данными «хорошо натренированного ходока, каким я и являюсь» — все эти данные можно было получать в небольшой «лаборатории животной психологии» Высшей экономической школы в Берлине. Измерения усвоения кислорода показали, что «в целом усилия велосипедиста часто недооцениваются»⁸².

Но также и исследования мускульной силы человека с помощью эргометра Моссо в противоположность задуманному только применительно к лягушачьим мышцам миографа Гельмгольца было важно для двух типов тел: тел тренированных спортсменов и тела самого исследователя. Моссо посвящал свои исследования работе, нелегкой для слабых мышц обычного ученого — он заставлял своих ассистентов и своих коллег проделывать изнуряющую мышечную работу, причем обычно до и после утомительных экзаменов в университете⁸³. Еще один пример: Шарль Браун-Секард уже в 1860 г. на самом себе установил, что сила сгибаемых мышц 43-летнего ученого, измеренная динамометром, постепенно ослабевает. Браун-Секард начал систематически вводить себе в мышцы экстракт семенной субстанции собак и морских свинок и весьма скоро смог вернуть свои мышечные показания на уровень былых достижений⁸⁴. Оскар Зот и его коллега Фриц Прегель проводили в середине XIX в. в физиологическом институте Университета г. Грац систематические исследования с экстрактами из тестикулов, также направленные на увеличение мышечной силы, предназначая свои препараты для «туристов и пловцов», а иногда — для «велосипедистов и пловцов»⁸⁵. В 1898 г. Зот продолжил свои исследования и с помощью постоянных инъекций материала тестикулов животных создал в своей лаборатории поднимавшего тяжести «суперспортмена»⁸⁶.

⁸⁰ Katzenstein G. Ueber die Einwirkung der Muskeltätigkeit auf den Stoffwechsel des Menschen // Pflügers Archiv. 1891. Bd. 49. S. 330–404, 334.

⁸¹ Zuntz L. Ueber den Gaswechsel und Energieumsatz des Radfahrers // Pflügers Archiv. 1898. Bd. 70. S. 346–348.

⁸² Там же. S. 347.

⁸³ Mosso A. Die Ermüdung. Leipzig, 1892 (ориг. изд.: Turin, 1884).

⁸⁴ Brown-Sequard C. E. Expérience démontrant la puissance dynamogénique chez l'homme d'un liquide extrait de testicules d'animaux // Archives des Physiologie normale et pathologique. 5ème série. Bd. 1, 21. Jg., 1889. S. 651–658.

⁸⁵ Zoth O. Zwei ergographische Versuchsreihen über die Wirkung orchitischen Extractes // Pflügers Archiv. 1896. Bd. 62. S. 335–378, особенно S. 338–341.

⁸⁶ Zoth O. Neue Versuche (Hantelversuche) über die Wirkung orchitischen Extractes // Pflügers Archiv. 1898. Bd. 69. S. 386–389.

Удивительные бегуны, пловцы, велосипедисты и тяжелоатлеты — именно они в конце XIX в. были теми телами, которые интересовали физиологов. В качестве предмета соотношения им служило их собственное буржуазное тело (которое с конца XVIII в. удостоилось своего собственного научно-литературного направления⁸⁷); тела рабочих, также как и тела женщин, в 1900 г. по понятным причинам выпадали из рассмотрения подавляющего большинства физиологов. Потный изможденный пролетарий, чьи шершавые мускулы взувались под гнетом голодной нужды, их совсем не занимал. Конечно, отдельные представительницы и представители физиологии, такие как Арман Имбер в Монпелье или Йозефа Йотейко в Брюсселе на рубеже веков занимались вопросом о причинах утомления во время физического труда⁸⁸. Были и другие отдельные попытки и в Германии, и во Франции, особенно после 1907 г., когда в Германии стал распространяться тейлоризм, построить дискурс «науки о рабочем» в собственном смысле. В этот дискурс входили и старые промышленно-гигиенические воззрения, и тридцать лет назад разработанная термодинамическая модель тела, и усвоенный из Америки принцип всеобщей эффективности⁸⁹.

Но это значит, что сам по себе вопрос об эффективном распределении энергии «человеческого мотора» вовсе не был мотивирован рационально-продуктивистским видением тела рабочего. Как показывает вкратце рассмотренная нами история термодинамической физиологии движения, само по себе понятие «результативности (*Leistung*) живых или мертвых органов», что Карл Людвиг еще в 1852 г. обозначил как основополагающее задание физиологии⁹⁰, вовсе не требовало выдвижения на первый план индустриальной работы. Грязная возня грубых чернорабочих неспособна была воодушевить мысль буржуазных физиологов и тем более стать само собой разумеющимся ресурсом осмысления и доказательства. Восхищение вызывали машины, восхищение вызывала организация фабричного дела, и мы не ошибемся, если скажем, что тело рабочего в конце XIX в. считалось полностью поглощенным жесткой системой выплаты жалования, формами неусыпного контроля и машинным ритмом действий. Физиологи интересовались другими телами — благоговение у них вызывали не эти неухоженные, часто

⁸⁷ Tissot S. A. De la sante des gens de lettres. Lausanne, 1768; Reveille-Parise J. H. Physiologie et hygiène des hommes livres aux travaux de l'esprit/édition entièrement refondue par Ed. Carrière. Paris, 1881.

⁸⁸ Об этом см. исчерпывающий труд: Rabinbach A. The Human Motor... P.179 ff. См. также наблюдения в важной статье: Imbert A. L'étude scientifique expérimentale du travail professionnel* // Année psychologique. 1907. Bd. XIII. S. 245–259; и исследование самой Йотейко: Joteyko J. La fatigue. Paris, 1920.

⁸⁹ См. об этом: Philipp Sarasin Die Rationalisierung des Körpers. Über Scientific Management und biologische Rationalisierung // Jeismann M. (Hg.). Obsessionen. Beherrschende Gedanken im wissenschaftlichen Zeitalter. Frankfurt am Main, 1995. S. 78–115.

⁹⁰ Ludwig C. Lehrbuch der Physiologie... Bd.1. S.1 f.

больные, нередко спившиеся и всегда изможденные пролетарские тела, но спортивные тела знатоков эффективности, которые можно было с удовольствием сравнивать с собственными буржуазными телами. Части тела, которым отдавали предпочтение физиологи прежде всего немецкие, — это были мертвые мускулы лягушек, которые словно машины приводились в движение воздействием электрического тока⁹¹: это был гибридный, технобиологический организм, в котором они находили что-то для себя вполне родное⁹².

На наше утверждение, что тело рабочего не стало в XIX в. предметом физиологического любопытства, могут возразить, что хронофотография Майбриджа и Маре, в которой образно фиксировался фантазматический объект обнаженного (и потому прежде всего женского) тела, стала вне всякого сомнения исходной точкой становления порнофильма⁹³ или же что кодирование и восприятие нормального тела в XIX в. было структурировано в отталкивании от ненормальных тел ярмарочных и цирковых уродов⁹⁴. Кроме того, 1880-е гг. были как раз временем успеха среди публики другого рода «физиологического курьеза» — а именно, искусства голодания⁹⁵. Я не могу сейчас подробно останавливаться на этих сомнениях, но напротив, вынужден вернуться к поставленному в начале вопросу: что означает физиологическая картина открыто видимого тела для утверждения, принятого в новое время, что мы «обладаем телом»? И как связана эта картина с прежней инсценировкой вскрытого тела — тела страдания и исцеления?

5. Самосовершенствующаяся машина

В 1881 г. Эмиль дю Буа-Реймон выступал перед военными врачами Берлина, как всегда, стараясь превратить свои опыты в события. Тот «здравый смысл», к которому он взывал в начале, состоял во вполне доиндустриальном опыте: он вспомнил кузнецов из гильдии кузнецов, которые заносили молот с большой силой и потом плавно опускали его на кусок раскаленного железа. Он сказал, что в эпоху торжества науки тела должны совершать более же сложные движения, чем совершали кузнецы — новые задания требуют нового уровня мускульной эффективности и нервной специализации: в армии нужно теперь тренировать

⁹¹ du Bois-Reymond E. Untersuchungen über Thierische Elektrizität. drei Teilbände. Berlin, 1848, 1849, 1884.

⁹² Haraway D. A Cyborg manifesto // Haraway D. Simians, Cyborgs, ana Women. The Reinvention of Nature. London, 1991. S. 149–181.

⁹³ Williams L. Hard Core. Macht, Lust und Tradition des pornographischen Films. Basel; Frankfurt am Main, 1995 (Original: Berkeley, 1989). S. 67–73.

⁹⁴ Gould G. M., Pyle W. L. Anomalies and Curiosities of Medicine. New York, 1956. За указание на эту работу приношу благодарность Урсу Цюрхеру и Стефану Козловски.

⁹⁵ Vandereycken W., van Deth R., Meermann R. Hungerkünstler, Fastenwunder, Magersucht. Eine Kulturgeschichte der Eßstörungen. München, 1990. S. 105–114.

не просто солдат, но и гребцов, и бегунов на длительные дистанции, и даже пианистов. Дю Буа-Реймон подчеркнул, что мускулы, как термодинамические «силовые машины» должны стать сильнее через постоянные трудовые усилия и выносливее — чтобы совершать длительную работу⁹⁶. В качестве примера тренировки он привел разработку мускулов до боли, «пока не выработается устойчивость к импульсу напряжения», и заметил, что такие натренированные мускулы — это образец подхода и к другим тканям человеческого тела⁹⁷. В конце он заметил, что настоящее развитие мускулатуры требует и упражнений, направленных на укрепление центральной нервной системы, головного и спинного мозга — а это значит, требуется «гимнастика для нервов»⁹⁸, благодаря которой будет «ускоренно обращение определенных молекул в нервных центрах»⁹⁹. Итак, упражнение — это упражнение нервных окончаний и мозга, то есть, в конце концов, — упражнение чисто духовных способностей. Все это — машинносоразмерно, причем машиной выступает и паровая машина, и скрипка — все это оптимизируется в употреблении: «Всякая машина совершенствуется со временем, путем стачивания малых заусенцев»¹⁰⁰. Человек отличается только тем, что он сам превращает себя в объект оптимизации: он — «самосовершенствующаяся машина»¹⁰¹. Физиология должна ответить на вопрос, который задавали и Тарен, и Маре, — каким образом можно подвести научное основание под самосовершенствование «натренированного солдата, опытного гимнаста, и вообще всякого образованного человека»¹⁰².

Как мы видим, машинная модель тела служит здесь тому, чтобы утвердить возвышенный характер тел специалистов по эффективности и виртуозов движения, и направить любого человека под руководством физиологов к овладению своим собственным телом. Но решающим фактом тут является то, что возвышенные достиженческие тела спортсменов и физиологов оказываются «обещанием» (*Versprechen*), имаго, они показывают, каким должен стать человек, если хочет считаться «образованным человеком». Человек не есть тело, он «обладает» телом, а предметом обладания может теперь стать только *образ*. Но что нас не может не изумить, что при этом не проводится никакого структурного различия, есть ли этот образ — Распятие Христа, труп

⁹⁶ du Bois-Reymond E. Über die Übung. Rede, gehalten zur Feier des Stiftungstages der Militärärztlichen Bildungs-Anstalten am 2. August 1881. Berlin, 1881. S. 9.

⁹⁷ Ibid. S. 13: Так, холодные ванны представляют собой тренировку для гладких мускулов близких к поверхности кожи (S. 15), а железы тоже требуют упражнений для улучшения результатов их деятельности (так, он рассуждает о «молочных железах и яичках» и о «почках бывалого любителя пива») (S. 18 f.).

⁹⁸ Там же. S. 21 f.

⁹⁹ Там же. S. 30 f.

¹⁰⁰ Там же. S. 31.

¹⁰¹ Там же. S. 8.

¹⁰² Там же. S. 23.

в анатомическом театре, бегун на стадионе или просто тело науки, которое открывает свои тайны физиологам благодаря фотографическому наблюдению или графикам показателей его работы — в любом случае речь идет об образе тела, которым мы сами не являемся.

Для субъекта, который не может отрешиться от своего тела, остается всегда зазор между «я» и этим образом, между «я» и телом или, лучше сказать, между его телом и тем, каким это тело должно быть, — и зазор этот возникает как раз тогда, когда появляется сам образ этого тела! Поэтому дю Буа-Реймон и говорит о том, что упражнение, направленное на развитие нервных центров, ведет «к удвоению нашего Я»¹⁰³. При таких духовных упражнениях, которые одновременно и телесны:

вступает некое окончательно безусловное нечто в нас как субъект для столь же безусловного объекта, то есть мы сами, какими мы никогда еще не были, и требует предельного напряжения, мобилизуя снова весь телесный субстрат, невзирая на боль мускулов, на все истязания, лишь бы добиться согласования движений¹⁰⁴.

Лучше и не скажешь! В конце пути от образа Распятого Христа до физиологической самосовершенствующейся машины вновь нам достается имаго, которое может быть опознано исключительно как удвоение «я» в образе другого¹⁰⁵. В момент напряжения, стать тем, кем ты не был, упражняющийся «непостижимо» становится мучительно нецельным субъектом («расщепленным», как говорит Лакан) и одновременно становится как «не-я» образом целостного субъекта, которым он и вожделем стать. Это имаго, обещанное тело, свое — чужое «я» в боли и муке своего «воссоздания» (*Zusammengesetzt*). Каким бы цельным, здоровым или натренированным оно ни было, это все равно воображаемый субъект по образу других. Только теперь этим великим другим уже не является божественное Тело, но только лишь возвышенное человеческое тело. Это человеческое тело имеет длительную историю начального становления, но кульминация этой истории, как мы уже доказали, состоялась в двойном движении второй половины XIX в.: одновременно научном и массово-культурном. Физиологический дискурс конца XIX в. демонстрировал в открыто видимых телах «физиологических курьезов» все усвоенные возможности — достижений, жизни и здоровья, и наконец, возникновения и уничтожения.

Открыто видимые тела всегда были чужими телами — но при этом всегда были «телами», то есть чем-то, имеющим обладателя — это были тела греха, тела везалиевской нормативной анатомии или даже тела открытых доступных человеку достижений. Такие «чьи-то» тела

¹⁰³ Там же. S. 29.

¹⁰⁴ Там же. S. 29–30.

¹⁰⁵ Ср.: Lacan J. *Das Spiegelstadium als Bildner der Ich-Funktion* // Lacan J. *Schriften*. Bd. 1. 3. Aufl. Weinheim, 1991 (ориг. изд.: Paris, 1966). S. 63–70, особенно S. 65, 67.

с их ошеломляющими способностями к страданию или достижениям были по отношению к цельному (*kontingent*), индивидуальному мужскому или женскому телу чем-то чуждым, они были пустым обещанием, имаго, а в новое время фантазмом здоровья, результативности, господства и самодостаточности. Эту, по словам дю Буа-Реймона, «метафизику наших дней»¹⁰⁶ или, по формуле Тарена, «естественную теологию» можно понять только с оглядкой на метафизику далеких от нас дней. Образ Креста был связан с открытостью вскрытых тел до самого конца старого режима, а отчасти до середины XIX в., и сосредоточенность на исцелении позволяла возноситься умом к образу искалеченного Тела Христового. «Подражание Христу» вплоть до самобичевания не исключалось, но в большинстве случаев такое имаго спасения / исцеления функционировало как метонимия, как сдвиг значения, преодолевавший различие между собственным падшим и земным телом и превознесенным божественным Телом. И поэтому только осужденный на казнь преступник мог осуществить правильное подражание смерти Христовой.

В эпоху «физиологической культуры» некоторые элементы изменились. С одной стороны, на сцену вышли профессиональные самосовершенствующиеся машины, которые с 1860-х гг. стали известны публике, причем именно в своей метонимической функции — зрители могли увидеть чужое тело, тело другого, и это же тело до самого начала XX в. имело право вызывать только удивление и восхищение. Йозеф Фишер из Мюнхена, который в июле 1893 г. победил в велогонке Вена — Берлин, повредил себе левую ногу, можно сказать, подобно любимцу Господа Иакову, и он, хромя, то есть, ступая только на одну ногу, дивным образом при этом нес свою торжественную победу¹⁰⁷. С другой стороны, критика религии в Новое время, от Фейербаха до Ницше, открыла в образе Распятого Христа тело самого интерпретирующего субъекта. Как мы знаем, это была неоспоримая победа. Но субъект, освобожденный от своего удвоения на небесах, вновь раскололся: у Маркса выделилось тело рабочего, материальный обмен которого с природой из-за отчуждения в обменной и меновой ценности раскалывается на воспроизводство и прибыль; у Ницше выделилось сознание, которое не признает ни тела, ни самого себя¹⁰⁸; и наконец, у Фрейда — субъект бессознательного. У дю Буа-Раймона «я» удваивалось в напряжении, когда начинали господствовать неосознанные «нервические механизмы, самопроизвольные рефлексы и движения», и если они овладевали субъектом, то он начинал бесконтрольно двигаться — это известно как «хорея» или «пляска святого Витта»¹⁰⁹. Человек не мог от этого

¹⁰⁶ du Bois-Reymond E. *Über die Übung...* S. 8.

¹⁰⁷ *Leipziger Illustrierte Zeitung*. 08. 07.1893. S. 46.

¹⁰⁸ Nietzsche F. *Ueber Wahrheit und Lüge im aussermoralischen Sinne* [Basel, 1873] // Nietzsche F. *Sämtliche Werke*. Bd.1 / hg. von G. Colli, M. Montinari. München, 1988. S. 877.

¹⁰⁹ du Bois-Reymond E. *Über die Übung...* S. 23, 26.

отрешиться, потому что прежний образ Креста исчез. И вот, уже с конца 1840-х гг. совершенно закономерно в Германии и во Франции постепенно телесные упражнения стали вводиться в школьную программу, и стали предписываться спортивно-гимнастические «занятия» с гантелями в собственной комнате, занятия на силовых установках в гимнастическом зале¹¹⁰, гимнастика, бег и велосипед — и в обществе конца XIX в. это все должно было служить окончательному самосовершенствованию во вполне предметном значении: это было «подражание» страстям и смерти Христовой, попытка вновь стать «цельным», преодолев докучную раздвоенность.

Можно увидеть искусительную неувязку в том, чтобы в качестве субъекта «обладать» телом, которое представлено как машина, но при этом только либо в форме изолированных мускулов лягушки при пропускании тока, либо в лучшем случае в форме физиологического курьеза, который и действует как машина. Сила физиологического дискурса в том и состояла, чтобы в образе открыто видимого тела специалиста по эффективности начертать возвышенное тело, которое и высказывает современным образом сияние здоровья и спасение: «Сие есть тело Мое». Странная динамика присвоения, которая превратила этот образ уже в конце XIX в. в фигуру «рекордсмена», показала физиологическую противоречивость и уязвимость для критики такого «здравия и спасения». Но не только в этом обнаружились границы мощи физиологического дискурса: зрители точно так же, как посетители богослужений и казней при старом режиме, имеют возможность с большей или меньшей отчетливостью отождествляться (*foutieren*) с самим фактом наличия тела. Не задумываясь ни о пороках, ни о муках совести, ни даже об угрозе здоровью, они могут просто так возноситься к веруемой свободе неутвержденного дискурса, обретая отрешенные от земли тела страданий и успехов.

Перевод с немецкого Александра Маркова

¹¹⁰ Wedemeyer B. Body-building or Man in the Making: Aspects of the German Bodybuilding Movement in the Kaiserreich and Weimar Republics // The International Journal of the History of Sport., Dez. 1994. Bd. 11. № 3. P. 472–484.